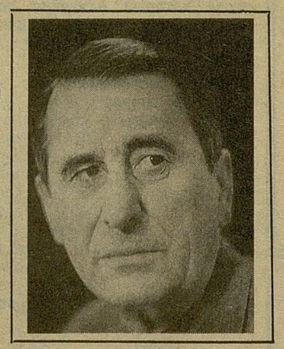
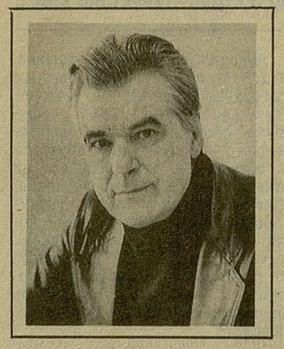
Кондратьев В.



Какая же она, правда о войне?

Диалог ведут писатель Вячеслав Кондратьев и редактор «Правды» по отделу прессы и публицистики Виктор Кожемяко



В. Кожемяко. Вячеслав Леонидович, в преддверии 50-летия со дня начала Великой Отечественной обращаюсь к вам как к одному из самых интересных, на мой взгляд, писателей военной темы. Помню, каким событием стала публикация в 79-м году вашей повести «Сашка». К тому времени о войне было уже немало написано, и все-таки ваш взгляд на нее оказался во многом неожиданным. Более личностным, что ли, более пронзительным. Мы спрашивали друг друга: а кто автор? Говорили: какой-то художник-оформитель. Но было ясно, что автор — прежде всего солдат, сам изрядно потянувший военную лямку, выдержавший всю ту кровавую мясорубку подо Ржевом, о которой писал. Последующие ваши вещи — «Отпуск по ранению» и другие—подтвердили это...

Так вот, прошло почти полвека после рокового дня 22 июня 1941 года. Представить только: полвека! Пятьдесят лет, из которых четыре года страшной войны и остальные—относительно мирные. Война со временем подвергается всяческим и все большим переоценкам. Разумеется, конечное слово — за историками. Но чрезвычайно интересен и взгляд на нее сквозь годы бывшего солдата, глубокого и зоркого писателя.

В. Кондратьев. Да, полвека... Огромный срок. Три четверти человеческой жизни, а если учесть среднюю продолжительность ее в нашей стране, то и больше... Для нас, воевавших, война еще жива, мы помнить ее будем до конца дней, но для подавляющего большинства война уже близкая или далекая история, это зависит от возраста. Для сегодняшних молодых — дальняя, может, даже очень дальняя история, какой была для нашего поколения Отечественная война 1812 года. А потому и отношение к ней в нашем обществе разное. Для ветеранов война была, есть и останется их «звездным часом» — в неимоверных трудностях, в голоде и холоде, в крови и ужасах мы выстояли, победили и спасли страну от фашизма.

Кто-то из полководцев сказал, что солдат вспоминает и ценит не только победы, но в большей степени те тяготы, которые он преодолел ради этой победы, потому что человек на фронте всегда берет выше себя. В справедливой войне, когда солдат защищает свою Родину, всегда присутствуют необыкновенный духовный подъем, взлет патриотических чувств, какая-то особая любовь и нежность к родному дому, которому угрожает опасность. Все это было и во время минувшей войны, и этого не забыть и не списать. Вспомним хотя бы пронзительные строки Константина Симонова в стихотворении «Ты помнишь, Алеша...» Мне довелось его читать в мае сорок третьего на Северо-Западном фронте на импровизированном лесном «концерте», и помню влажные глаза солдат, которым на другой день надо было идти в бой....

Отечественная война в нашей стране имела и еще одно значение, о котором сказал мне Симонов, когда мы с ним вели разговор о рукописи моей повести «Сашка». Упрекая меня в том, что я уж чересчур нажимаю на «больные места», Константин Михайлович пояснил, что к войне у нас должно быть особое отношение, ведь она — чуть ли не единственное по-настоящему светлое пятно в нашей истории последних десятилетий, которое в какой-то мере перечеркнуло то, что происходило и до войны, и после нее,— он имел в виду репрессии тридцатых и пятидесятых годов.

Размышляя об этой войне, я не раз говорил — и придется повторить,— что на войне народ ощутил себя гражданином в полном смысле этого слова, он почувствовал, что судьба его Отечества в его собственных руках. Обозвав нас после войны «винтиками», Сталин лишил многих этого великого чувства гражданственности, потому что где-где, а на войне мы не считали себя «винтиками», а ощущали личностями, людьми, от которых зависит исход войны. Такого накала гражданских чувств мы, увы, уже не испытывали больше никогда, а именно в них был залог нашей Победы.

К сожалению, это не все понимают. Мне кажется, что воскрешению гражданских чувств, происшедшему во время перестройки, грозит такая же опасность: пробужденный народ снова кое-кто хотел бы загнать в «загон», лишить его чувства собственного гражданского достоинства, снова вогнать в апатию, безразличие. А ведь без активного участия народа в переменах ничего и никто не сделает, хоть это-то надо понимать. Ну загоним народ опять в спячку — а кто же будет строить новую жизнь? Партии, аппарат, министры? Смешно же!

В статье «Не только о своем поколении», опубликованной в седьмом номере журнала «Коммунист» за прошлый год, говоря об истоках Победы, я высказал мысль, что идеология не играла особой роли на войне. Затем это мое соображение было оспорено в некоторых изданиях. Однако я, признаюсь, и до сих пор считаю, что людьми больше владело чувство Родины, любовь к ней, а не какая-то социальная идеология. Если же говорить об идее, то это, наверное, была в основном общенациональная идея защиты своего Отечества, сохранения тысячелетнего государства.

Вот говорят: советские люди перед войной мечтали о коммунизме. Но ко всем ли это относится? Что, разве проводился опрос, кто мечтает, а кто нет? Корректнее будет, думаю, так: кто-то мечтал, кто-то нет, кто-то был индифферентен, ну а кто-то был и против этой мечты.

Викт. К. Согласен: люди были разные, и их отношение к Советской власти, к коммунизму, к партии — тоже разное. Но вот с вашим категорическим утверждением, что идеология не играла особой роли во время войны, честно говоря, решительно не могу согласиться. Чем же иначе объяснить хотя бы такой факт, что в партию за 1941—1945 годы вступило около пяти с половиной миллионов человек? Добавьте к этому почти пять миллионов, ставших комсомольцами...

Вяч. К. Действительно, вступление в партию и комсомол было массовым, несмотря на то, что боец с партийным или комсомольским билетом, попав в плен, был обречен. Но ведь знаю и другие факты. Рядом со мной, например, воевал солдат из раскулаченных, который не любил ни коммунистов, ни Советскую власть. Однако воевал тоже хорошо, самоотверженно. За Родину, я так считаю.

Викт. К. Конечно, мы должны стремиться как можно полнее узнать правду о той великой и неимоверно жестокой войне. Лишь бы не переусердствовать в разного рода демифологизации, не подменить в каких-то случаях одну неправду другой...

Вяч. К. Это верно. Точность нужна максимальная. И тут по-прежнему могут как воспоминания участников тех событий, так и документальные свидетельства, которые надо шире раскрыть для исследователей.

Кстати, говоря о минувшей войне, не избежать мне и разговора о послевоенном, так называемом «потерянном» поколении. Говорят, что такого поколения не было и не могло быть. Это не ново, нам твердили об этом после войны непрестанно, громили повесть Виктора Некрасова «В родном городе», по живому резали и мою «Встречи на Сретенке» в 83-м году. Но дело в том, что ведь «потерянное» поколение — не столько социальное, оно скорее психологическое, даже, возможно, физиологическое явление. Четыре года нечеловеческого напряжения всех физических и духовных сил, жизнь, когда «до смерти четыре шага». Естественная, обычная реакция организма — усталость, апатия, надрыв, слом... Это бывает у людей и не в экстремальных ситуациях, а в обыкновенной жизни — после напряженной работы наступает спад, а здесь — война...

Если на памяти одного человека, в данном случае моей, четыре факта самоубийства моих знакомых, бывших фронтовиков, то как-то трудно говорить о благополучии этого поколения. Пусть и не будем в целом называть его потерянным. Но не знаю, довелось ли вам посещать после войны московские бары и пивнушки, а я посещал и видел очень много людей с неудавшимися судьбами, спивающихся или уже спившихся, и это были бывшие солдаты и офицеры-фронтовики...

Викт. К. Однако что там ни говорите, а Победа и в самом деле свидетельствует о силе нашей, которая в конечном счете одержала верх. О силе духа, правды, которую мы защищали. Добавлю, что ленные наступления до тех пор, пока не добили бригаду, пока не осталось от рот по полтора десятка бойцов. И не было случая в годы войны, чтоб за напрасные потери осудили хоть бы одного командира высокого ранга. Не судили и нашего комбрига, полковника по званию, наоборот, мы видели его в середине войны уже в генеральских погонах... «Мы за ценой не постоим»—эти слова из песни Окуджавы к фильму «Белорусский вокзал» очень точно отражают пафос военных лет.

Викт. К. Мы, как известно, люди крайностей. Было время всеобщего восхищения подвигом народа во время войны, ныне же кое-кто склонен утверждать, будто никакого подвига вообще не было.

Вяч. К. Народным подвигом была вся война. Подвигом было уже само нахождение на передовой, подвигом являлся уже первый шаг на поле боя. Не знаю, кто склонен утверждать обратное. Это или от незнания, или из духа противоречия после перекормки пропагандой.

Викт. К. Вы в своих повестях и рассказах впечатляюще показали войну как тяжелый и кровавый солдатский труд, как окопные будни. Конечно же, это большая и серьезная правда о войне. Но скажите, а было ли в ней все-таки место героизму? Как проявлению величайшей силы духа. Можем ли мы забыть, скажем, о том же рядовом Александре Матросове или генерале Карбышеве?

Вяч. К. Вот и вы хотите как-то разделить героизм и будни, а я говорю, что и будни войны являлись подвигом, возможно, большим, чем мгновенная вспышка, эмоциональный всплеск, когда солдат бросается на танк с одной гранатой. Это секунды, а будни— это дни и ночи, кровавые и бесконечные, потому что только смерть или ранение могут освободить солдата от постоянного, нечеловеческого напряжения, выдерживать которое было неимоверно трудно. Были случаи и сумасшествия, были порой и самоубийства. Иной раз и себя ловил на мысли: не лучше ли бы сразу пулю в лоб, чтоб отмучиться. Подвиг генерала Карбышева осмысленный, а потому и самый трудный. Он не поступился честью русского офицера и погиб страшной смертью. Подлинный героизм проявил и солдат Саша Матросов, хотя конкретные обстоятельства его гибели, кажется, были несколько иными, чем сложившиеся в нашем привычном представлении.

Викт. К. У талантливого поэта Бориса Слуцкого, который тоже знал войну не понаслышке, в свое время не случайно, наверное, родилось стихотворение «К пересмотру военной истории». А в нем—горькие строки:

Сгинь! Умри! Сводя
во гневе брови,
требуют не нюхавшие крови
У стоявших по плечи в крови:
— Сгинь! Умри! И больше
не живи!
Слушают тоскливо ветераны,
что они злодеи и тираны
и что надо наказать порок,
и что надо преподать урок.

Тут выражена, по-моему, острейшая проблема взаимоотношения поколений, боль фронтовика за тот счет (справедливый ли?), который нередко предъявляют ему теперь молодые. Получается, что и воевал-то он, спасший мир чуть ли не зря. Я сам видел и слышал в прошлом году 9 мая у Большого театра, как зеленый юнец кричал седому и безногому ветерану: «Мракобес!» Вас не волнует это? Или, например, что многие молодежные газеты почти никак не отметили в том же прошлом году 45-летие Победы?

Вяч. К. По размашистости нашей широкой русской натуры мы часто переходим из одной крайности в другую, как вы правильно заметили. Но есть опять же факты. В начавшейся 22 июня войне альтернатив не было: на нас напали, надо было защищать себя и страну. Даже те немногие из нас, кто понимал, что, защищая Отечество, спасают тем самым Сталина и его режим, все равно воевали беззаветно. Другого просто было не дано. Сама бесчеловечная идеология фашизма, поведение немецких войск на оккупированной земле исключали начисто какие-либо сомнения в необходимости воевать и уничтожить гитлеризм. Да, режимы были похожи, трудно сказать, какой из них был более жестоким по отношению к своим, но тоталитаризм свой был, безусловно, предпочтительней чужого, иноземного, тем более что победа над фашизмом сохраняла целостность нашего государства.

Сейчас молодые, особенно из тех, кто не очень-то любит задумываться всерьез о нашей истории и на фоне многочисленных публикаций, раскрывающих многие белые, а точнее сказать, черные пятна нашего прошлого, которых, к сожалению, немало, стали и к Великой Отечественной относиться пренебрежительно, верить байкам, что, дескать, воевал народ под дулами пулеметов заградотрядов, что подвигов никаких не было, все это выдумано и т. д. и т. п. Одной из довольно существенных причин такого отношения является, на мой взгляд, и то, что мы «перекормили» молодежь так называемым «военно-патриотическим воспитанием», проводившимся неумело, примитивно. Ветераны, приходившие в школы, вместо того, чтоб рассказать ребятам подлинную правду о войне, считали своим долгом приукрасить ее. Бывал я не на одной такой встрече, видел равнодушные глаза ребят, не веривших, кажется, ни одному слову. Тем более ветераны, как правило, всегда подчеркивали: вот мы какими были, а вы вот теперь не такие... Поначалу скука и безразличие, потом неприятие, а затем уж и протест — таковы результаты этого «воспитания».

Разумеется, и ветеранам, и всему народу больно и обидно, что добытая такой большой кровью Победа не принесла стране того, о чем мечтали мы на фронте, что побежденные живут во сто крат лучше нас, но ведь это беда, а не вина тех, кто воевал. Мы все-таки отстояли свою государственность, хороша она была или плоха, а значит — воевали и победили не зря.

Викт. К. Встречаетесь ли вы со своими товарищами — ветеранами войны? Как они живут и о чем думают сегодня?

Вяч. К. В 82-м году, через сорок лет после того, как мы расстались на поле боя, меня разыскал мой однополчанин и по довоенному Дальнему Востоку, и по 132-й стрелковой бригаде, в составе которой воевали подо Ржевом, Михаил Помогаев. После этого встретились. Увы, это была последняя встреча, вскоре Миша умер. Потом разыскал меня парторг нашего батальона Иван Павлович Смотрелкин, с ним мы даже съездили подо Ржев, в те места, где воевали, затем переписывались, но ему было за восемьдесят, и он тоже ушел... И вот совсем недавно еще один однополчанин, живущий сейчас в Рязани, нашел меня — Степан Ашихмин, полковник в отставке. Он прошел в пехоте всю войну, четыре раза был ранен. На днях получил от него письмо, строки из которого стоит, наверное, привести:

«Конечно, наши взгляды насчет военных могут расходиться, мы жили в разных условиях, тыре года настоящей войны в пехоте-матушке не прошли даром. Из ржевских однополчан он остался, пожалуй, единственным, и я счастлив, что есть хоть один из тех, с кем барахтались мы на поле овсянниковском, потеряли многих друзей. Такое не забыть.

Викт. К. А есть ли у вас связь с современной армией? Как относитесь к ее проблемам и к критике ее? Кстати, тут тоже, по-моему, много крайностей, вплоть до утверждения, что вооруженные силы нам теперь совсем не нужны. Между тем читаю в газетах, что американцы намерены укреплять свою оборону, «чтобы защититься от возможной в будущем угрозы со стороны развивающихся стран». Есть официальные заявления тех же американцев, что стратегия европейской безопасности предполагает присутствие в Европе вооруженных сил США и сохранение прежних политических и военных структур НАТО». Недавно в США произведен очередной испытательный ядерный взрыв — уже второй в этом году...

Вяч. К. Связи с современной армией почти никакой. Но когда военные меня приглашают, всегда откликаюсь, принимаю приглашение. Проблем у армии, как и у всего нашего общества, разумеется, хоть пруд пруди. Я, служивший в Красной Армии два года еще до войны, не понимаю и никогда, наверное, не пойму, как можно было допустить в ней «дедовщину». Как может быть боеспособна часть, в которой одна половина военнослужащих ненавидит другую? Помню, во время одной из встреч в Военно-политической академии мне сказали: «Вы не представляете, какой контингент мы получаем». А какой контингент ехал со мной в эшелоне в 39-м году? Ехала знаменитая Марьина Роща, в каждом вагоне двадцать призывника, попавшие в армию прямо из лагерей. По дороге, в Александрове, разгромили винный ларек, вначале платили деньги за водку, а потом стали брать «на шарап», завалили продавщицу пустыми ящиками, она барахталась, а братва набирала бутылки, кто сколько сможет... А вот прибыли в часть, надели форму, и ни видом, ни поведением бывшие урки не отличались от остальных, многие стали даже отличниками боевой и политической подготовки.

Когда перезваниваешься со своими однополчанами-дальневосточниками, то один разговор: как хорошо нам служилось до войны, почему ты мало написал об этом. Поэтому-то и не могу понять, как допустили до «дедовщины», почему не могут ее преодолеть. И вина в этом, конечно, командиров, от взводного до командира полка. В мою службу наш комвзвода находился в подразделении от подъема до отбоя, вряд ли сейчас так...

Ну а ваши тревоги насчет НАТО меня что-то не тревожат. Тут же дело в том, что военные расходы разоряли и разорят нашу страну окончательно. Если их не сокращать, мы просто не вылезем из экономического кризиса. Никто же на нас нападать не собирается, «слопать» такую огромную страну просто никто не в состоянии — так чего тужимся, лезем из кожи?

Викт. К. В советской литературе, на мой взгляд, военная тема достойно выражена в книгах Александра Твардовского и Михаила Шолохова, Константина Симонова и Василия Гроссмана, Виктора Некрасова и Константина Воробьева, Григория Бакланова и Юрия Бондарева, Василя Быкова и Вячеслава Кондратьева... С нетерпением ждем мы новый военный роман Виктора Астафьева, над которым он работает уже многие годы. Всех писателей, естественно, не называю, трудно всех перечислить. Но наша «Война и мир» о Великой Отечественной, наверное, еще впереди. Что вы думаете по этому поводу?

Вяч. К. Я слыхал, что Быков больше не собирается писать о войне. Последнюю, наверное, военную повесть и я отдал на днях в «Знамя». Юрий Бондарев давно уже отошел от темы войны. По-видимому, мы уже всё, что смогли сказать, рассказали. Мы, как сумели, показали жизнь человека на войне, его доблесть и страдания, его жизнь на грани смерти. Конечно, нам не удалось сказать всё об Отечественной войне, всё мы просто не знали и многое не знаем и до сих пор... Мы, писавшие о войне, много сил потратили, чтобы в условиях жесткой цензуры все же донести до читателя ту правду о войне, которую мы знали, но донести удалось лишь частицы правды. На новые и масштабные произведения о войне, наверное, у нас нет уже времени. Нужны открытые архивы, документы, на изучение которых потребуются годы...

Не сказал я еще здесь о том, что кажется мне очень существенным. Нас с детства приучали ненавидеть, была даже «наука ненависти» в нашем арсенале, однако война была выиграна, считаю, не столько ненавистью к врагу, сколько любовью к Отчизне, хотя и было много слов в то время о «святой ненависти». Ненависть, думаю, не может быть святой, святой бывает только любовь... На этом, может, и закончим разговор?

90